

ЗАКРЫТИЕ ОЛЬГИНСКОГО МОНАСТЫРЯ И СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННАЯ АРТЕЛЬ НА ВОЛГОВЕРХОВЬЕ

Аннотация. В статье рассматривается последнее десятилетие существования Ольгинского монастыря на Волговерховье. После его закрытия здесь создается сельскохозяйственная артель. На первый план выходит экономическая деятельность сестер, которая и прежде была активной, так как помогала выжить. Духовные искания постепенно уходят из их жизни и сознания, среди сестер разрушается и духовное единство. Этот процесс ярко прослеживается на примере Л.А. Михайловой.

Ключевые слова: Ольгинский монастырь; сельскохозяйственная артель; хозяйственная деятельность; аренда; эпистолярные источники; духовное истощение.

Сведения об авторе: Митрофанов Виктор Владимирович, доктор исторических наук, профессор кафедры гуманитарных, естественнонаучных и технических дисциплин филиала ФБГОУ ВО «Южно-Уральский государственный университет (НИУ)» в г. Нижневартовске.

Контактная информация: 628605, Тюменская область, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, ул. Мира, 9; e-mail: viktor-n1962@mail.ru.

2 февраля 1918 г. был издан Декрет об отделении Церкви от государства и школы от Церкви (Декрет 1918), определивший основные направления взаимодействия советского государства с церковными организациями и религиозными конфессиями в целом. Начинается эпоха гонений на церковь, а самыми распространенными методами были святотатство в отношении церковных реликвий, вскрытие мощей (Козлов 2005: 719–721; Андроник (Трубачев) 2008: 102–103), гонения на монашество (аресты, ссылки, расстрелы священников), разрушение храмов, изъятие ценностей (Русская 2001: 417).

За первые годы советской власти, к 1921 г., было национализировано 722 монастыря из 1 253. В монастырских ансамблях размещали больницы, лазареты, воинские части, концентрационные лагеря, детские колонии, школы, общежития и т. д. (Козлов 1994: 3409). Политика новой власти лишила монахов своих обителей и обрекла на скитальческую жизнь. Возникла острая социальная проблема – как обустроить насельниц монастырей и монастырскую братию.

События революционной поры и политика новой власти в отношении религиозных институтов в Тверской епархии были предметом многочисленных исследований. Известная исследовательница церковной истории Т.Г. Леонтьева изучала положения сельского духовенства на рубеже двух веков (Леонтьева 2002).

А.В. Сипейкин для анализа обозначенной темы обратился к источникам, которые привлекают внимание исследователей. Среди них называются архивные материалы из центральных и региональных архивов, мемуары, дневники, личная переписка, материалы церковной и светской печати и др. (Сипейкин 2018: 34–49).

В новых условиях настоятели и настоятельницы монастырей искали разные возможности сохранения и налаживания церковной жизни. Создавались профсоюзы из клира, преподавателей духовных заведений, служащих епархиальных ведомств, союзы диаконов и псаломщиков. Особой формой, вызванной самой жизнью и оказавшейся эффективной на почти целое десятилетие, стало создание сельскохозяйственных артелей. По подсчетам В.Ф. Зыбковец, например, в Московской области в первые годы советской власти было образовано около 18 подобных трудовых коллективов (Зыбковец 1975: 101). Заметим, что эти преобразования не носили единичный характер. О.Ю. Редькина называют эту форму «феноменом» (Редькина 2004: 55), который распространился одновременно по всей стране. По этому же пути пошел и Ольгинский монастырь на Волговерховье в период, когда были реальные опасения его разгона весной 1920 г. Об этом узнаем из письма игуменьи Веры С.Ф. Платонову, написанного в марте: «Живем все с думой, что по весне

придется оставлять и нам Волговерховье» (Митрофанов 2017а: 105). Председательницей сельскохозяйственной артели была избрана м. Антонина, игуменьей оставалась м. Вера, Л.А. Михайлова как самый грамотный человек вела, как и прежде, документооборот. По делам артели Л.А. Михайловой приходилось ездить в Москву, Тверь, особенно часто в Осташков, удачно выступать «и в судах, и во всех советских учреждениях» (ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 4. Д. 5958. Л. 13). Рождественские праздники 1925 г. были для нее буднями, так как она должна присутствовать «на сел[ьско]-хозяйств[енном] съезде», затем нужно было готовить отчетность «по артельному хозяйству» (ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 4. Д. 5958. Л. 27 об.). Игуменья о трудах Л.А. Михайловой писала Платоновым: «Лидия Александровна ... очень полезна для обители, она выхлопотала земли и лесу и много хорошего для обители» (Митрофанов 2017а: 107).

Новая форма экономической организации основывалась на созданном в предыдущие годы монастырском хозяйстве и давала определенные результаты. Жизнь постепенно налаживалась, сестры, как и прежде, продолжали усердно работать, обеспечивая себя всем необходимым. По сути, это было натуральное хозяйство. 3 июля 1920 г. Л.А. Михайлова писала в Петроград: «В монастыре у нас усердно трудятся, сестер 25 человек... одновременно и сенокос, и жнитво у нас, работы масса, но не успеваем и надеемся на милость Божью, кот[орая] нас никогда не оставляла» (Митрофанов 2017б: 188). 22 июня 1922 г. игуменья сообщала в Петроград, что они «...живут понемножку. Сенокос уже начали и пока успешно... Беспокоят плохие озимые, как бы не остаться без хлеба на будущий год» (Митрофанов 2017а: 106). Да и следующий год в погодном отношении не радовал: холодная погода и ранние заморозки не дали возможности вызреть яблокам, тыкве, «даже и картофеля получили очень мало, да и тот очень плохой». Было опасение, что «голодно будет нынче» (ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 4. Д. 5958. Л. 11).

Материальное положение артели было подорвано случившимся в 1925 г. пожаром, уничтожившим немалую часть хозяйственных построек и жилье отдельных сестер. Об этом ущербе узнаем из письма С.Ф. Платонову: «Только Господь послал нам великую печаль, прошлым летом с 26 на 27 злые люди подожгли нам двор, и сгорел конный и коровий дворы, сгорели 3 коровы и 2 телки, сараи с сеном и весь корм. Сараи, где хранилось все наше хозяйственное, тарантасы, телега и вся сбруя, не осталось ни ремешка... Дом, где жили сестры 4 человека, повыскакивали вообще совсем раздетые» (Митрофанов 2017а: 107).

Приходилось немногочисленные силы и средства направлять на восстановление утраченного. «Понемножку справляемся с тяжелой бедой нашей – прошлогодним пожаром», – писала игуменья. Обратим внимание на важный факт – власть вошла в положение артели и выписала лес бесплатно, хотя и горелый, но его нужно было «заготовить и перевезти, а капиталу у нас очень мало», поэтому пришлось «занять в кредитном обществе 200 руб.» (Митрофанов 2017а: 107).

13-го сентября (по старому стилю) 1926 г. Л. Михайлова писала: «Здесь, в тихой обители нашей, пока все тихо. И мы тихи. Живем сосредоточенно, чутко прислушиваясь к биению пульса общественной жизни, живем настороженно... Понемногу строимся. Но жить очень тяжело. Хозяйство не дает никакого дохода, наоборот, требует только расходов, ибо все время поднимаем новь, почва самая непроизводительная, сестры все делают своими руками и выбиваются уже из последних сил: раскорчевка пней ведь дело мужских рук, а у нас и вся пашня по лесному вырубам. Вошли мы в долги, дохода никакого не имеем, одним словом, внешняя жизнь наша печальна» (ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 4. Д. 5958. Л. 16).

Насельницы вынуждены были заниматься каким-либо ремеслом, чтобы обеспечивать себя средствами на «житейские потребности». Так, сама Лидия рукодельничала, хотя «это дело весьма невыгодно» и поэтому приходилось менять свои вещи на продукты. Предпринимались попытки, надо сказать, удачные, наладить ремесленное производство, для чего устроили «маленькую вязальную мастерскую», где поставили «две вязальные машины», работа на которых и приносила «небольшой, но постоянный доход». К тому же

продолжались и денежные сборы монахинь в церквях Москвы, Петрограда и других городов. Сэкономленные, собранные и заемные средства позволили выстроить «конюшню, скотный двор, сенной сарай, теперь строим водогрейку для скотного двора и курятника». 21 декабря (по ст. ст.) 1926 г. сообщается о следующих хозяйственных успехах: «выстроили еще новую водогрейку на скотном дворе, курятнике; теперь у всех животных есть отдельные помещения» (ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 4. Д. 5958. Л. 26 об.–27). Еще раньше была построена новая кухня. Настоятельница приняла решение перевезти для этих нужд монастырский дом, находившийся в двух верстах от монастыря, который уже пытались разобрать и увезти жители соседней деревни.

Собственными силами проводили и некоторые ремонтные работы. Но «наше хозяйство, – писала Л.А. Михайлова Платоновым, – сейчас, да и еще несколько лет, потребует лишь расхода средств на него. Вот лет через 5 можно уже и дохода маленького начать ждать» (ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 4. Д. 5958. Л. 21 об.–22). К тому же приходилось покупать хлеб. Заметим, что в первую очередь заботились о хозяйстве, помогавшем выжить, а потом только об улучшении своих жизненных условий. Так, погоревшие сестры теснились в маленькой избушке, но с постройкой нового дома откладывали: нужно было отдавать долги.

Интересные сведения о хозяйстве получаем из письма от 2 июля 1927 г. «Здесь в нашем тихом уголке жизнь идет помаленьку: пашем, сеем, расчищаем лядины, корчем пни, роим канавы; добились того, что площадь пахоты теперь около 5 дес[ятин]. Получили в 5-летнюю выплатку 200 р[ублей] на мелиорацию, что подвинет дело. Пока, конечно, во всем хозяйстве учитываем убытки лишь, но живем, работаем, не унываем. И в уездном земельном органе снискали себе уважение. Облегчения в жизни все же имеются: наша артель учитывается как учитываются и все другие земледельческие артели, действительно трудовой, что дает льготы: отмену арендной платы, напр[имер], право пользования правительственными распоряжениями и законами вообще. Но “спустя рукава” все же нельзя жить: приходится все время трудиться и бороться с несознательностью» (Митрофанов 2017б: 189).

Осенью 1927 г. сообщается об определенной успокоенности в жизни артели: «В обители у нас пока все тихо и спокойно. Договор на передачу нам всего хозяйства в бессрочное бесплатное трудовое пользование нами с Уездным Земельным Управлением заключен, и теперь нам не нужно очень трепетать от страха, что нас разгонят... Конечно, дремать все же не придется, но жить и трудиться можно более уверенно, насколько все это возможно при условии современной жизни... У нас же наступает пора жизни более замедленного темпа: все летние работы закончены, вечера становятся длинными и сестры начали вновь заниматься рукоделием и другими домашними работами» (ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 4. Д. 5958. Л. 35), – так охарактеризовала положение в монастыре Л.А. Михайлова. Предстоящую зиму предполагали провести без тревог, о чем читаем в письме м. Веры в ноябре 1927 г.: «Благодаря Бога и сыты, и в тепле, дрова готовят сестры сами, они привыкли, готовят скоро, наготовят березовых, и мы жжем их и не жалеем. В кельях у нас очень тепло...» (ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 4. Д. 5958. Л. 41).

Казалось бы, монастырь после полосы испытаний продолжал жить в устоявшейся ситуации, «шел своей дорогой», тогда как «езде застой и одичание» (ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 4. Д. 5958. Л. 2 об.). Это проявлялось и в изменении отношения окружающего населения к монастырским жителям. Например, в 1923 г. крестьянский скот испортил монастырские посевы овса и ячменя, кто-то совершил упомянутый поджог.

Через все письма Л.А. Михайловой проходит мысль о надежде на лучшее. Так, она писала: «быть может и наше хозяйство устоит, какими-нибудь судьбами мы выкарабкаемся на твердую почву и еще поживем, и еще повоюем!».

Самым большим праздником, благотворно отразившемся на жизни монастыря, было освещение летом 1920 г. Спасо-Преображенского собора – главного храма на истоках Волги. Когда стало ясно, что украсить собор по первоначальным планам не удастся,

игуменья приняла решение поставить изготовленный для бокового придела иконостас в главном. Это было вынужденной мерой, чтобы в храме, пусть и не отделанном, проводить службы, и он стал бы «именно св. храмом, а не местом, где по желанию любого товарища могли бы проводиться митинги и т. п.» (Митрофанов 2017б: 187). Сведения об этом мы получаем из сохранившихся эпистолярных источников. «Торжество это прошло благополучно, было архиерейское служение, была масса народа, все было чинно, во всем был порядок – мы даже и не ожидали, что все так хорошо и складно устроится», – писала Л.А. Михайлова Н.Н. Платоновой 28 сентября 1920 г. (ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 4. Д. 5958. Л. 2). Высказывалось и сожаление об отсутствии на празднике С.Ф. Платонова, так много сделавшего для монастыря. В соборе начались ежедневные службы, которые должны были продолжаться 40 дней. На организацию освящения собрали необходимые средства, помогали и прихожане, пожертвовавшие «ржи около 20 пудов, собрали молоко». Эти продукты пошли на уплату мастерам.

Отвечая на поздравление с днем рождения 13 (26) июля 1920 г., С.Ф. Платонов писал: «Отрадно узнать, что в монастыре меня еще не забыли, а еще более отрадно, что монастырь не заглох и работает» (Митрофанов 2017б: 183). Следует отметить, что простоявший многие годы без отделки величественный собор начал разрушаться. Так, в письме от 29 июня 1922 г. (по старому стилю) м. Вера сообщила: «Ремонтируем собор: под собором от сырости начал осыпаться фундамент – каменщики все вновь укрепили. Теперь готовимся красить на соборе крышу, которая в нескольких местах уже успела проржаветь и дать течь, с помощью добрых людей, пока еще истинных христиан. Из Петрограда выписали краски, здесь по приходу собрала льняное семя, сбила из него масло и теперь будем надеяться, что в скором времени крыша собора порадует нас своим исправлением и свежестью краски» (Митрофанов 2017а: 106).

Заметим, что в письмах 1920-х гг. основное внимание уделено хозяйственной деятельности, а вот духовной, монастырской все меньше и меньше, вероятно, она все больше отходила на второй план. Хотя в монастыре количество постригов увеличилось, 6 августа 1924 г. его приняла и Л.А. Михайлова (Митрофанов 2018: 31). Для нее это явилось завершением долгого пути духовных исканий протяженностью в 13 лет. Обдуманый шаг, по ее собственному признанию, дал «для души ... много успокоения, тишины», она «приобрела семью», «угол для жительства». При этом оставались сомнения и «страх лишиться возможности жить в обители» (ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 4. Д. 5958. Л. 12 об.–13).

В письмах Л.А. Михайловой, кроме мирских забот, подробно освещаются и изменения, происходившие в среде самих насельниц. Отношения их между собой менялись, порой возникали раздоры. Много лет прожившая в монастыре выпускница ЖПИ не могла этого заметить. Для нее становилось ясно, что между сестрами «сохранилась лишь чисто механическая связь..., объединяющего начала нет». К тому же м. Вера «сильно старела не телом, а внутренним содержанием своим, ей не под силу уже держать все на должной высоте» (ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 4. Д. 5958. Л. 16–16 об.). Игуменья уже не могла управлять коллективом насельниц, как прежде, и «передала всю административную часть, а сама почти отошла от дел правления». Ее соратница м. Антонина, сменившая ее, пытаясь во всем подавать пример другим, особенно в тяжелой работе, «очень изменилась – исхудала, высохла даже: ей больше всех забот и дела». Численность сестер уже не увеличивалась, а старые «буквально надорвались». И только пример «сгорбившейся» м. Антонины, которая шла «первая и с косой, и с заступом», увлекал пока и других. Но тяжелая работа не давала достаточных плодов: «Бедность и нужда во всем, даже самом необходимом. Плохо питаемся, а трудов тяжелых много прибавилось». В результате материальное оскудение вело к «оскудению духовному». Да и сама Л.А. Михайлова «истосковалась без людей интеллигентных, вдумчивых, с более возвышенными взглядами на жизнь и людей, чем у бедняжек – соседок» (ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 4. Д. 5958. Л. 17–18).

К тому же были и другие факторы, которые создавали недружелюбную обстановку в коллективе сестер. Особенно выделялась в этом отношении Юлия Николаевна, бывшая близкой знакомой Л.А. Михайловой. Она, можно сказать, баламутила весь коллектив, сама не отличаясь чистоплотностью. По слухам, еще в Петрограде она приняла облачение в рясофор, но его не признали; после обращения к м. Вере с просьбой повторить его, приняла имя Серафимы. Постриг проходил в один день с Л.А. Михайловой. Потом их хорошие отношения нарушились. «Серафима, не зная, как следует, монашеской жизни, не понимая смысла ее, превратно толкует и представляет священнику всю нашу жизнь, его подучает восставать на игуменью, м. Антонину, меня, и он так вверился Серафиме, что только ей одной и верит, а к нам привязывается, вмешивается в нашу жизнь, наши дела, и вообще, весьма расстраивает нашу жизнь. Если бы не это обстоятельство, жизнь наша шла бы мирно», – читаем в письме, адресованном Надежде Николаевне (ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 4. Д. 5958. Л. 26). А 2 июля 1927 г. Л.А. Михайлова с удовлетворением писала: «Известная Вам Юл[ия] Ник[олаевна] со скандалом уехала от нас, и мы до сих пор не можем опомниться от радости, что ее нет у нас. Удивительным созданием она была здесь! Полнейшее нежелание считаться с порядками и всем строем жизни окружающих людей; абсолютнейшее презрение чужого «я» до идиотизма, я бы сказала, уверенность в своем призвании играть какую-то важную роль, первенствующую роль – вот характерная черта ее личности. Все проистекающее из них, конечно, лишено было и малейшей привлекательности, особенно в последнее время, когда она начала мстить некоторым из нас неизвестно за что. Я ее раньше очень жалела, но потом оставила; и теперь только сожалею, что раньше не отошла от нее, несравненно было бы меньше мне неприятностей» (Митрофанов 2017б: 190).

Отношения между насельницами и после этого не всегда были дружелюбными, об этом пишет и Л.А. Михайлова 9 (22) ноября 1927 г.: «В последнее время я стала очень опасаться, что приходит конец моей жизни здесь, ибо, если у нас в монастыре не произойдет более никакой перемены, то окончится и его жизнь: столкнулось старое поколение с молодым. Я со стороны наблюдаю, вмешиваться не хочу, и жду, чем все это кончится. Вероятно, верх возьмет, как и везде теперь, молодежь. М. Вера не в состоянии все осознать, как следует, но чувствует себя беспокойно и нетвердо. Мне понятно ее душевное состояние и внутреннее, я вполне разделяю ее скорбь». Прогноз развития ситуации был малоутешительным: «Я, конечно, сейчас забегаю вперед, все дело еще неопределенно, но думаю, что конец ему положит победа молодежи. Жаль этого уголка, жаль насиженного гнездышка, хотелось бы еще послужить своей идее внутреннего церковного строительства, в масштабе, как теперь выражаются, мон[асты]ря, но вижу, что идея-то эта теперь уже устарела, оставить ее, пожалуй, придется» (ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 4. Д. 5958. Л. 38–38 об.).

К осени 1927 г. в мировоззрении самой Л.А. Михайловой происходит очередной поворот. Если после приезда в 1911 г. в монастырь она постепенно шла к восприятию монашеской жизни, идеализировала ее, то сейчас происходит новое осмысление, которое особенно ясно излагается в письме от 9 (22) ноября 1927 г.: «Не знаю, что совершилось со мною, но резко я убедилась, что живой человек, которому нужно и делать, и питаться, по поводу чего я убедилась еще, что и чистый воздух полей и лесов Волговерховья может быть душен для меня также, как и исполнительность моя в письмоводстве – непитательна. Глубокое убеждение в необходимости существования мон[асты]рей как хранилища веры, без которой жить нельзя, меня и питало, и согревало в моей жизни и заботе здесь. Изредка, а теперь и довольно часто, подувало на меня со стороны холодком – являться стала мысль, что ведь мон[асты]рей сейчас уже нет, есть кое-где только артели, а духовности уже последние остатки исчезают. Видимо, м[онасты]рь нужно в себе устраивать. Это сознание причинило мне много огорчения, но в то же время показалось и дало мне почувствовать испытываемый умом и сердцем моим голод – отсюда и тоска моя, и показало также и ту, правда очень узенькую, для меня тропинку, которая меня выведет к людям и к жизни.

Видимо, полученное мною образование имеет свои права. И о них заявляет. Одним словом, во мне произошло нечто вроде маленького землетрясения (ведь это модно теперь!). Я смелею, хотя и смущаюсь этим, и очень тянусь к манящей меня работе мысли. Не знаю, к хорошему ли концу приведет все это меня? Конечно, служение м[онасты]рю, как таковому, я не изменю, потерплю еще, посмотрю, что дальше вообще с ними будет. Но решила досуги свои отдавать занятиям светским: пока своим очеркам, а потом думаю привести в порядок мои записки – наблюдения над говором Осташк[овского] у[езда]» (Митрофанов 2017б: 193).

Физическое здоровье Л.А. Михайловой оставалось слабым. Чтобы лечь в больницу в Москве и получить бесплатное лечение, необходимо было вступить в какой-либо союз. Она подала заявление и заполнила анкету Союза работников земли и леса, а 2 (15) июля 1927 г. документы должны были быть рассмотрены на собрании в Земельном управлении. Поэтому решение она ожидала с нетерпением. В больницу она все-таки попала, хотя в профсоюз не прошла, так как «артели (монастырь здесь совершенно ни при чем) сельскохозяйственные, по уставу профсоюза включены в него быть не могут, как работающие не по найму» (ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 4. Д. 5958. Л. 35).

Артель просуществовала до лета 1928 г., об этом писала и Л.А. Михайлова С.Ф. Платонову. В это время она находилась в Московской больнице и до нее дошли известия, что на Волговерховье все «закрыто, ликвидировано, м. Вера, м. Антонина и еще несколько сестер взяты в исправ[ительный] дом» (Митрофанов 2017б: 194).

Таким образом, замечательный эпистолярный пласт (Митрофанов 2016: 31–37), вышедший из стен Ольгинского монастыря, пока является единственным выявленным источником о его жизни: от создания и до закрытия, образования на его базе сельскохозяйственной артели и ее разгона. Деятельность последней является ярким свидетельством самостоятельной инициативы, которая не пришла извне, а оформилась на месте, была вызвана самой действительностью, самоорганизацией насельниц монастыря, которая позволила им прожить с радостями и горестями, сохраняя прежний уклад еще целое десятилетие. Оторванность от города Осташкова и отсутствие дорог позволило сохранить замечательный архитектурный памятник – Спасо-Преображенский собор – в первоначальном виде. Его, к счастью, не коснулась волна разрушений. Сегодня духовная жизнь в этих местах постепенно возрождается усилиями игуменьи Софии и ее сестер.

Литература

Андроник (Трубачев), игум. 2008. Закрытие Троице-Сергиевской лавры и судьба мощей преподобного Сергия Радонежского в 1918–1946 гг. М.: Изд. совет Русской Православной Церкви.

Декрет об отделении Церкви от государства и школы от Церкви. 1918 // Газета Рабочего и Крестьянского Правительства. 23 янв.

Зыбковец В. Ф. 1975. Национализация монастырских имуществ в советской России (1917–1921 гг.). М.: Наука.

Леонтьева Т. Г. 2002. Вера и прогресс: православное сельское духовенство России во второй половине XIX – начале XX вв. М.: Новый хронограф.

Козлов В. Ф. 1994. Музеи-монастыри в советской России (1917 – начало 1930-х гг.) // Мир источниковедения: Сб. в честь С.О. Шмидта. М.; Пенза: Изд-во РГГУ, 340–344.

Козлов В. Ф. 2005. Вскрытие мощей // Православная энциклопедия. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия». Т. IX.

Митрофанов В. В. 2016. Эпистолярные источники по истории строительства Спасо-Преображенского собора Ольгинского монастыря // Православие. Наука. Образование 2, 31–37.

Митрофанов В. В. 2017а. «Да воздаст Вам милосердный Господь сторицею за все то добро, которое сделано Вами...»: переписка С.Ф. Платонова с настоятельницей Волго-Верховского Ольгинского монастыря игуменьей Верой (вступ. ст. публик., коммент.) // III Ильинские архивные чтения: Сб. ст. Тверь: ООО «СФК-офмс», 64–108.

Митрофанов В. В. 2017б. «Эта удивительная власть Волговерховья над моим сердцем...»: письма Л.А. Михайловой С.Ф. Платонову // *Magistra Vitae*: электронный журнал по историческим наукам и археологии 1, 188.

Митрофанов В. В. 2018. Социальный портрет и численность насельниц Ольгинской обители на Волговерховье // Православие. Наука. Образование 2 (6), 27–33.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 4. Д. 5958.

Редькина О. Ю. 2004. Сельскохозяйственные религиозные трудовые коллективы в 1917–1930-е гг.: на материалах европейской части РСФСР. Волгоград.

Русская Православная Церковь. Монастыри: Энциклопедический справочник. 2001 / Под общ. ред. архиепископа Бронницкого Тихона; сост. А.В. Никольский. М.: Изд-во Московской Патриархии; Республика.

Сипейкин А. В. 2018. Источники по истории Тверской епархии в 1917 г. // Вестник ТвГУ. Серия «История» 2, 34–49.

Список сокращений

ЖПИ – Женский Педагогический институт.

ОР РНБ – Отдел рукописей Российской национальной библиотеки.

V.V. Mitrofanov
Nizhnevartovsk, Russia

CLOSING OF THE OLGINSK MONASTERIES AND AGRICULTURAL ARTIST ON THE VOLGA CENTER

Abstract. The article discusses the last decade of the Olginsky monastery on the Volgoverkhovye. After its closure, an agricultural artel is created here. The economic activities of the sisters are coming to the fore, which has always been active since it brought basic fruits for their lives. Spiritual quest gradually disappears from their life and consciousness, and spiritual unity is destroyed among the sisters. This process is clearly traced in the worldview of L.A. Mikhailov.

Keywords: Olginsky monastery; agricultural artel; economic activity; rent; epistolary sources; spiritual exhaustion.

About the author: Mitrofanov Viktor Vladimirovich, Doctor of Historical Sciences, Professor of «Humanities and natural sciences», South-Ural State University (NIU), Nizhnevartovsk.